

ТУРГЕНЕВ

В ЗАПИСЯХ НЕМЕЦКОГО ДИПЛОМАТА

ИЗ ДНЕВНИКА Х. ГОГЕНЛОЭ, 1876 и 1879 гг.

Публикация С. Я. Бороваго

Князь Хлодвиг цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (1819—1901) — виднейший государственный деятель Германии второй половины XIX в. Носитель одной из знатнейших южногерманских католических фамилий, крупный землевладелец (имевший, между прочим, владения и в России), Хлодвиг Гогенлоэ прожил долгую и деятельную жизнь.

Не обладая выдающимися государственными талантами или яркой индивидуальностью, Гогенлоэ, однако, был наделен замечательным умением лавировать и быстро приспосабливаться к меняющимся политическим, дипломатическим и придворным конъюнктурам, находить компромиссные решения, временно примирять противоречивые интересы. Человек, далекий от крайностей, он среди католических деятелей считался противником ярых клерикалов, среди землевладельческой знати — «либералом», в среде либеральной буржуазии — носителем аристократических и консервативных принципов.

В 1874—1885 гг. он был послом Германской империи во Франции. На этом очень нелегком посту Гогенлоэ не без умения и дипломатического такта своим якобы дружеским и миролюбивым отношением к Франции маскировал агрессивную политику правящих классов Германии, планировавших «превентивную» войну против Франции, чтобы окончательно низвести ее до ранга второстепенной державы.

За годы пребывания в Париже Гогенлоэ завел самые широкие знакомства в политическом и дипломатическом мире. Он стремился установить более тесный контакт с представителями умеренно республиканских кругов, так как германское правительство считало, что среди сторонников восстановления во Франции монархического строя более сильны реваншистские настроения. В аристократических салонах Гогенлоэ встречался с представителями мира искусств.

Гогенлоэ закончил свою служебную карьеру в качестве канцлера Германской империи (1894—1900). На этом посту он не снискал себе славы. Умелый, но уже состарившийся царедворец, он был, по сути, лишь ширмой, за которой действовали молодой Вильгельм II и его ближайшие помощники, вступившие на путь «энергичной» империалистической внешней политики.

* *

Встречи с Тургеневым относятся ко времени пребывания Гогенлоэ в Париже. В дневнике Гогенлоэ есть записи о трех встречах (25 января/6 февраля и 21 марта/2 апреля 1876 г. и 1/13 апреля 1879 г.). Надо думать, что таких встреч было больше, но не все они оказались отмеченными. Во всяком случае, из чтения дневниковых записей складывается впечатление, что Гогенлоэ хорошо знал Тургенева. А о том, насколько последний высоко ценился как писатель в том кругу, к которому принадлежал автор дневника, видно из записи от 8/20 ноября 1882 г.: «Князь <Бисмарк> упомянул сегодня

Тургенева. Он считает, что Тургенев является самым вдохновенным из всех ныне здравствующих писателей всех народов.

Записи Гогенлоэ характеризуются большой точностью. В них слышатся подлинные слова Тургенева: некоторые записи почти текстуально совпадают с дошедшими до нас высказываниями Тургенева. Со страниц дневника германского посла Тургенев выступает перед нами как мастер импровизированного рассказа, как блестящий собеседник, умеющий заставить себя слушать и стать центром внимания в самом изысканном обществе.

Особый интерес представляет запись от 1/13 апреля 1879 г., в которой очень обстоятельно изложена оценка Тургеневым политического положения в России.

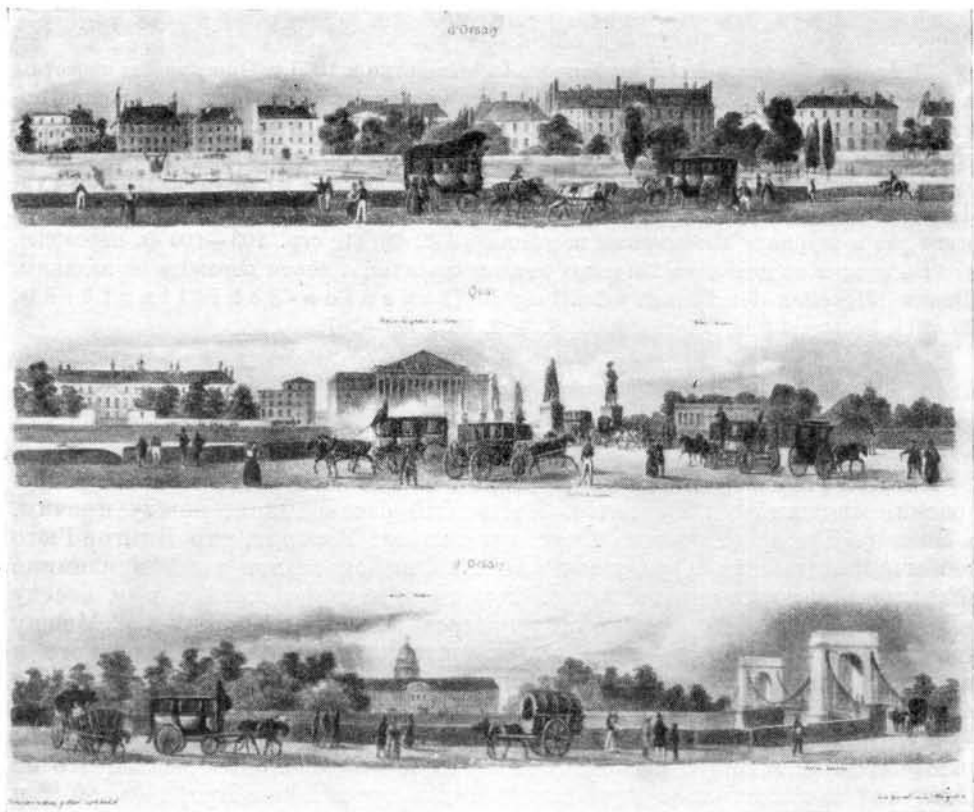
Незадолго до этой встречи — 24 марта/5 апреля — Тургенев возвратился из России. Пребывание в России в 1879 г. (9/21 февраля — 21 марта/2 апреля) было, как известно, очень важной вехой в общественно-политической биографии писателя. В этот момент нарастающая революционной ситуации и оживления либерального движения — Тургенев стал предметом демонстративно горячего чествования. Передовая молодежь, близкая к революционному подполью, приветствовала в лице Тургенева «живого представителя того поколения 40-х годов, лучшую традицию которого современное поколение принимает как драгоценное наследство, заботясь лишь о дальнейшем ее развитии» (так позиция революционно настроенной молодежи была сформулирована в выступлении студента П. П. Викторова 18 февраля 1879 г. на торжественном заседании в Обществе любителей российской словесности)¹. Либеральные круги увидели тогда в Тургеневе свое знамя, считали, что чествование признанного писателя может примирить русскую оппозицию, включая наиболее умеренных дворянских либералов, на общей платформе требования конституции. В одном выступлении, которое пришлось выслушать Тургеневу (от имени «студентов Горного института»), так и говорилось: «Вы одни в настоящее время сумеете объединить все направления и партии, сумеете оформить это движение, придать ему силу и прочность; подымайте смело и высоко ваше светлое знамя; на ваш могучий и чистый голос откликнется вся Россия; вас поймут и отцы и дети»².

И Тургенев готов был тогда поверить, что именно на его плечи возложена историей задача стать организатором единого фронта всех оппозиционных элементов в борьбе за конституцию. По словам автора статьи «Тургенев и молодая Россия», опубликованной в нелегальной (издаваемой за рубежом) либерально-оппозиционной газете «Общее дело», на приведенное выше обращение студентов Горного института Тургенев ответил: «Я знаю, что это дело — очень нелегкое дело, — лучше было бы взяться за него молодому, энергичному человеку, а не мне... старику. Но что же делать? Я положительно не вижу и не знаю человека, который обладал бы более серьезным образованием, лучшим положением в русском обществе и большим политическим тактом, чем я... Вот и приходится мне...»³.

Эти настроения были еще очень живы у Тургенева в момент его встречи с Гогенлоэ.

Только что процитированный отклик Тургенева на призыв «объединить все направления и партии» не давал никакого ответа на вопрос о том, какими *действиями* он мыслил выполнить эту задачу. Да и вряд ли можно было подозревать у него наличие программы действия, тем более, что самое его «согласие» было высказано, скорее всего, под влиянием внезапного порыва. Но в записи Гогенлоэ говорится о другом — о намерении Тургенева в письменной форме изложить свою программу в виде политической брошюры. Этот план представляется особенно интересным в связи с тем, что — по словам Тургенева (в записи Гогенлоэ) — русские «радикалы» не имеют никакой политической программы. Таким образом, в этот момент Тургенев замыслил создание *первой и единственной* (в его представлении) политической программы русской оппозиции.

В этой заметке нет необходимости подробно рассматривать суждения Тургенева о положении дел в России, высказанные им мнения о перспективах русской революции. В них в целом мы встречаемся с тем же сложным и противоречивым отношением автора «Нови» к проблеме русской революции, которое нашло выражение во всех его произведениях тех лет.

ПАРИЖ. НАБЕРЕЖНАЯ Д'ОРСЕЙ

Цветная литография, 1850-е годы

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Тургенев утверждал, что не верит в русскую революцию. Но надо сказать, что в беседе с послом германского императора, выступая как сторонник умеренной конституции, Тургенев все же не считал нужным особенно подчеркивать свое принципиальное неприятие революционного разрешения русского кризиса.

Обращает внимание и то, что в беседе с Гогенлоэ Тургенев пытался в какой-то мере оправдать народovolьческий террор, подчеркивая, что правительство своими необоснованными репрессиями и неоправданной жестокостью само натолкнуло на это. Утверждая, что «нигилистические террористы» и не помышляют о покушении на царя, Тургенев хотя и обнаружил неумение предугадать близкое будущее, прежде всего стремился показать нигилистов не такими «опасными» и «страшными» людьми, как их изображали в лагере реакционеров.

В записи рассказа Тургенева выражено и его глубокое сочувствие жертвам правительственного террора.

В этом беседа прямо перекликается со словами предисловия Тургенева к очерку И. Я. Павловского «В одиночном заключении. Впечатления нигилиста», написанного 17 октября 1879 г. (XI, 394).

В беседе с Гогенлоэ Тургенев резко отрицательно отозвался о царе и его министрах. Эти строки тоже являются важным материалом для характеристики общественно-политических взглядов писателя. Таким образом, мы видим, что записи Гогенлоэ о встречах с Тургеневым представляют немалый интерес для биографии писателя.

* * *

Дневники Гогенлоэ были опубликованы посмертно в 1906 г. Они хорошо известны в научной литературе и широко используются как важный источник по истории Германии и международных отношений второй половины XIX в. В русском переводе эта книга, однако, никогда не появлялась. Не привлекли к себе внимания историков русской литературы и общественной мысли и встречающиеся в ней упоминания о Тургеневе. В России отрывки из дневников Гогенлоэ были напечатаны неполностью и всего раз в журнале «Всемирный вестник», 1906, № 11, стр. 103—106 (в переводе).

Выдержки из дневника Гогенлоэ печатаются нами в новом переводе по изданию: «Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenloë-Schillingfürst», Band II. Stuttgart und Leipzig, 1906, S. 182, 185, 265—267.

<1>

Париж. <25 января> 6 февраля 1876 г.

Вчера вечером у княгини Урусовой⁴. Там были Черкасский⁵, Жуковский-младший⁶ и Тургенев. Последний рассказывал, между прочим, о Викторе Гюго, которого он часто навещает. Говорит, что Виктор Гюго необычайно любезен и радушен как хозяин; он живет здесь в наемной квартире, богат, но расчетлив⁷. Тургенев недавно имел с ним беседу о Гете, во время которой обнаружилось много неожиданного. Между прочим, Гюго приписал Гете «Валленштейна»⁸. Он ненавидит Гете и дошел до того, что заявил: «Personne n'ignore que c'est Ancillon qui a écrit les „Wahlverwandschaften“ et pas Goethe»^{*}.

Тургенев говорит о чувстве нетерпимости, присущей французским писателям высшего ранга, таким как Флобер и Доде, которые ничего не хотят знать о несколько хуже пишущих авторах, как Арсен Уссей¹⁰ и Александр Дюма. Тургенев далее говорил о гравюрах Гойя, которые появились в начале этого века. Когда он описывал отдельные картины, ярко проявился его прославленный талант. Потом он прочитал нам несколько стихотворений некоей госпожи Аккерман¹¹, которая в общем стоит на точке зрения Шопенгауэра и проклинает бога и вселенную. В Тургеневе есть что-то от самодовольства знаменитого писателя, но только в очень небольшой и не раздражающей мере. К тому же он любезен и естественен.

<2>

Париж. <21 марта> 2 апреля 1876 г.

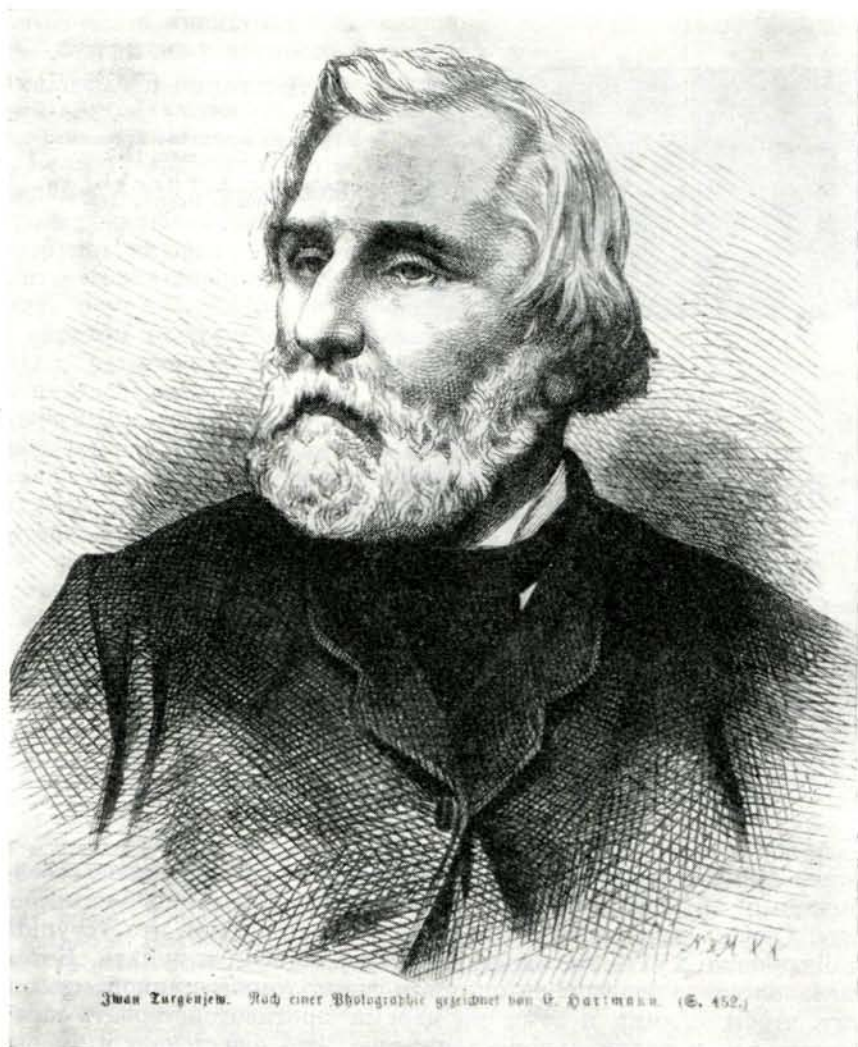
...я отправился к княгине Урусовой, где застал Тургенева, который читал стихи и рассказывал о разном в своей обычной образной манере. Вернулся домой в час ночи...

<3>

Париж. <1> 13 апреля 1879 г.

Тургенев возвратился из России, где был предметом всеобщих оваций. Я застал его вчера еще под впечатлением пережитого. Он говорил, что был поражен таким чествованием, ведь он никогда не занимался политикой. Он объяснял это потребностью русского народа найти хоть какой-нибудь объединяющий пункт, чтобы проявить свои либеральные воззрения. Он много рассказывал о русских делах. Правительство не понимает движения. По мнению Тургенева, оно поступает неправильно, относясь

* «Кто же не знает, что „Избирательное родство“ написал Ансильон⁹, а вовсе не Гете» (франц.).

ТУРГЕНЕВ

Гравюра Эрнста Гартмана, 1872

С фотографии И. и Л. Альгейер, 1868

«Das Buch für Alle» 1872, № 40

одинаково к нигилистическим заговорщикам и к либеральным кругам. Он прибавил, что действительно существуют тайные общества с радикальными тенденциями. Ему самому приходилось беседовать с такими радикалами; у них нет никакой программы, они только высказывают мысль о том, что старый, обветшалый дом должен быть подожжен со всех четырех сторон, а потом должен быть построен новый. Образованные круги — ученые, литераторы, чиновники — убеждены, что Россия должна получить конституцию, не обязательно по новейшему образцу, но такую, которая включала бы представителей земств, чтобы контролировать финансы и внести порядок в управление. Движение охватило всех. «Le peuple russe est frémissant» *. Для царя было бы легко уступками

* «Русский народ в брожении» (франц.).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ
«МУМУ»

Гравюра немецкого художника
Л. Гейнриха, 1947

Из книги: I. Turgenejew.
Mumu. Berlin, 1947

И^нzwischen ging um die gleiche Zeit die T... er Landstraße mit weitausholenden Schritten eine Art Riese entlang, einen Sack über die Schulter geworfen und einen Stecken in der Hand. Es war Gerassim. Er eilte unaufhaltsam nach Hause, in sein Dorf, in die Heimat. Nachdem er die arme Mumu ertränkt hatte, war er in sein Kämmerchen gelaufen, hatte dort seine sieben Sachen in eine alte Pferdedecke gepackt, hatte das Bündel über die Schulter geschwungen und sich auf- und davongemacht. Den Weg hatte er sich noch von damals her gemerkt, als man ihn nach Moskau gebracht

59

привлечь на свою сторону народ и вызвать в нем по отношению к своей особе необычайный энтузиазм. Сейчас для этого чрезвычайно благоприятный момент. Однако царь, которого всегда предостерегали, что уступки привели Людовика XVI к гильотине, не хочет об этом и думать. К тому же он сделался равнодушным, он окружен лишь тесной кликой, склоняется к тому, чтобы одними и теми же мерами противодействовать как либеральному, так и радикальному движению. Это ожесточает и умеренных. Вполне благомыслящие люди говорили ему, Тургеневу: они сами смущены тем, что не могут в душе порицать террористические акты, которые они осуждают. Тургенев упомянул различные факты, вызвавшие всеобщее раздражение. Так, девятьсот молодых людей, на которых только пали кой-какие подозрения, были брошены в одиночки. Шестьдесят человек из них в результате многолетнего заключения лишилось ума, многие заболели туберкулезом. Около десяти тысяч молодых людей были в заключении и высланы в отдаленные города. Это значит, что разрушена их карьера и что они лишились средств к существованию. И это были не только нигилистические заговорщики, большая часть их — либералы, которые не смогли скрыть своих мечтаний о конституционном устройстве.

В России, говорит Тургенев, в центре внимания — внутренняя политика. Внешняя политика никого не интересует. Поэтому славянофильская партия потеряла почву. Аксаков, который посетил его, разразился по этому поводу иеремиядами¹². Войну, которая стоила столько денег и людей и не принесла России никаких преимуществ, все осуждают самым решительным образом, и в настоящее время о войне никто не хочет и слышать.

Он говорил о министрах с величайшим презрением. Маков — идиот¹³, Грейг — совершенно неспособен¹⁴. Царь сказал Грейгу после одного доклада: «До сих пор я считал, что я тот человек, который меньше, чем кто-либо другой в России, понимает в финансах. Теперь вижу, что ошибался: этот человек — ты». Тем не менее царь сохраняет Грейга на его посту. Если утверждают, что в России нет людей, способных к руководству делами — это совершенно ошибочно. Он назвал различных дельных провинциальных чиновников и адвокатов. Если этот момент спасти Россию будет упущен — наступит общий крах. В революцию Тургенев не верит. Правительство обладает достаточной властью, чтобы силой сохранить порядок. Когда он спросил бывшего министра, консерватора, каким образом может быть исправлено положение — тот ответил: «*Vis medicatrix naturae*»*. Русские возлагают сейчас надежды на смерть царя и на наследника. Тургенев отрицает, что жизни царя угрожают нигилистические террористы. В своих террористических актах они исходят из определенной теории, они ставят себе целью наказать чиновников, допускающих грубые нарушения закона и несправедливости, и тем запугать их. Царю они ничего не сделают.

Тургенев предполагает написать политическую брошюру, в которой намерен изложить мысли, вызванные пребыванием в России¹⁵.

То, что правительству начало казаться неудобным его присутствие в России, — это понятно. Жандармский офицер на границе сказал ему, когда он проезжал: «А мы уже пять дней ждем вас»¹⁶.

Если бы я был царем Александром, я поручил бы Тургеневу составить кабинет.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. статью Н. В. Алексеевой «Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе». — Сб. «И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы». Орел, 1960, стр. 288—343.

² «Общее дело», 1883, № 56 (цит. по кн.: Т. в восп. рев., стр. 87).

³ Цит. по кн.: Т. в восп. рев., стр. 87.

Ср. письмо А. В. Головинина к Д. А. Милютину от 27 марта 1879 г. По словам Головинина, Тургенев считал, что либеральная молодежь в Москве и Петербурге «находится в каком-то возбужденном состоянии, она точно заряжена электричеством, как лейденская банка; она, за весьма немногими исключениями, не сочувствует кинжальщикам, полагает, что эти фанатики вредят общему правильному поступательному движению, полагает, что поступательное движение должно исходить от правительства» (М. И. Хейфец. Вторая революционная ситуация в России. М., 1963, стр. 75).

⁴ О М. С. Урусовой см. выше, прим. 7 к воспоминаниям Липгарта.

⁵ В тексте ошибочно: Черкерский. — Кн. Владимир Александрович Черкасский (1824—1878) — известный деятель либерально-славянофильского направления, был в это время в Париже (см.: О. Трубецкая. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского, т. I, кн. 2. М., 1904, стр. III). Тургенев познакомился с Черкасским еще в 1858 г. Подробнее об их встречах см.: Герцен АН, т. XIX, стр. 373. Тургенев состоял в переписке с Черкасским (см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, 1964, стр. 96 и 398).

⁶ О П. В. Жуковском см. выше, прим. 5 к воспоминаниям Липгарта.

⁷ Об отношении Тургенева к В. Гюго см. далее, прим. 11 к воспоминаниям Фори.

⁸ Трилогия «Валленштейн» принадлежит Шиллеру.

⁹ Речь идет, очевидно, о Фридрихе Ансильоне (1767—1837) — видном прусском государственном деятеле, историке и философе реакционного направления. Он был автором многочисленных трудов на французском языке. Его книга «*Essais philosophiques ou nouveaux mélanges de littérature et de philosophie*» (Paris, 1817) сыграла заметную роль в формировании ранней романтической теории. См. подробнее: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960, стр. 246 и сл. Однако остается неясным, на каком основании Гюго считал Ансильона автором «Избирательного родства».

¹⁰ Арсен Уссеи (Houssaye; 1815—1896) — плодовитый французский писатель и фельетонист.

* «Целительная сила природы» (лат.).

¹¹ Луиза *Аккерман* (1813—1890) — французская поэтесса. Тургенев, очевидно, читал стихи из ее сборника: «Poésies, premières poésies, poésies philosophiques» (1874).

¹² Иван Сергеевич *Аксаков* (1823—1886) — известный публицист славянофильского направления. Наибольшую известность и политическое влияние приобрел в 1875—1878 гг., в годы антицарских восстаний в Сербии и Герцоговине и русско-турецкой войны. Играл руководящую роль в Славянском комитете и с позиций националистического крыла дворянства и буржуазии критиковал правительство. В 1878 г. выступил в Славянском комитете с речью, в которой резко порицал Александра II за уступчивость, проявленную русской дипломатией на Берлинском конгрессе, за что был выслан на несколько месяцев из Москвы. См. об этом статью: И. С. Зильберштейн. Репин в годы борьбы России за независимость славян. — «Художественное наследство», т. I. Репин. I. М. — Л., 1948, стр. 387—388, 410—412, 414—416.

¹³ Лев Саввич *Маков* (1830—1883) — с 1876 г. товарищ министра, а в 1878—1880 гг. — министр внутренних дел. Окончил жизнь самоубийством в связи с обнаружившейся растратой. Осенью 1878 г., после убийства народолюбцами шефа жандармов Мезенцева, опубликовал в «Правительственном вестнике» обращение к «обществу», в котором просил о содействии правительству в его борьбе с «разрушительными учениями». Однако, когда некоторые земства, откликнувшись на этот призыв, позволили себе высказать робкие замечания по адресу правительства, то инициаторы таких «крамольных» выступлений подверглись репрессиям со стороны органов Министерства внутренних дел.

¹⁴ Самуил Алексеевич *Грейг* (1827—1887) — в 1866 г. товарищ министра финансов, в 1874 г. — государственный контролер, в 1877 — 1880 гг. — министр финансов. Годы управления им Министерством финансов характеризовались безуспешными попытками уменьшить бюджетный дефицит, ростом внешнего и внутреннего государственного долга, неудавшимися мероприятиями по повышению курса русского рубля.

¹⁵ Этот замысел Тургенева остался не осуществленным.

¹⁶ В своих воспоминаниях Лопатин передает рассказ Тургенева о том, почему он вынужден был поторопиться с отъездом: «Приезжал флигель-адъютант его величества с деликатнейшим вопросом: его величество интересуется знать, когда вы думаете, Иван Сергеевич, отбыть за границу? А на такой вопрос, — сказал Иван Сергеевич, — может быть только один ответ: „сегодня или завтра“, а затем собрать свои вещи и отправиться» (Т. в восп. рев., стр. 128).